

СОТРУДНИКИ ВСЕГЕИ В ГОДЫ БЛОКАДЫ И ВОЙНЫ

Посвящается всем тем, кто был, есть и будет ...

Эта статья носит особый характер, потому что посвящена она памяти о Великой Отечественной войне и блокаде Ленинграда...

О военных годах Института написано немало. Известно, что в первый же день войны 300 человек подали заявление отправить их на фронт. Просьбу 132 из них удовлетворили сразу. Остальные были призваны через военкоматы, многие ушли в Народное ополчение. Всего 339 человек стали военными. Из них 47 погибли. Сейчас в вестибюле института висят мемориальные доски с именами тех, чью военную судьбу удалось установить. К сожалению, не всех... Оставшиеся сотрудники работали на земляных сооружениях города, а также в Морском госпитале № 1. Кроме того, во ВСЕГЕИ был создан отдел военной геологии, во главе которого встал бывший тогда директором института Н. А. Быховер.

Отдел занимался электроразведкой и каротажем заброшенных скважин, чтобы добывать воду для Ленинграда; геофизики создали электро- и магнито-металлоискатели для того, чтобы вести поиски затонувших судов в Финском заливе, на Ладожском озере, на реках Днепр, Десна и др. Геофизики А. С. Семенов и О. К. Владимиров сделали установку для обнаружения неразорвавшихся бомб и снарядов. Сначала ее использовали на Васильевском острове, а вскоре она была взята на вооружение Армией. Перед химиками была поставлена задача добывать из хвои витамины для пациентов госпиталя. И они с этим успешно справились. И еще очень многое сделали сотрудники института, оставшиеся в его стенах. К сожалению, многие из них не пережили войну.

Немалая часть сотрудников, не ушедших на фронт, отправилась заниматься непосредственно добычей полезных ископаемых, которые как никогда нужны были для победы. Они работали на Урале и в Казахстане, в Печорах, Кузнецком Алатау и Горной Шории. Об этих людях также можно прочесть в литературе. В этой статье скажем несколько слов лишь об одном из них - *профессоре Василии Петровиче Нехорошеве*.

Он пришел в геологию еще в начале прошлого века и к июню 1941 года уже имел не только знания и опыт, но и известность в геологических кругах. В Великую Отечественную войну Василий Петрович работал на Алтае, который очень хорошо знал, можно сказать, был начинателем геологии Алтая: еще в 1920-1930 годы он составил первую геологическую Карту этого региона. Нужна была руда - он называл точные рудные участки и рудные тела на конкретных месторождениях, он делал переоценку известных

месторождений - какое количество руды можно добыть, как быстро и что для этого потребуется. Он также давал рекомендации по поиску молибдена. Конечно, он не делал это в одиночку, поэтому его имя и стоит сегодня рядом с другими именами - его коллег и соратников. В январе 1977 года В. П. Нехорошев ушел из жизни, 62 года из которой он отдал геологии. Он был награжден орденом Ленина и Знаком Почета, носил звание «Заслуженный деятель науки Казахской ССР». Его именем названа гора в Чарышском районе и ледник в Катунских Альпах. В Усть-Каменогорском краеведческом музее есть экспозиция, посвященная Нехорошеву.

Василий Петрович Нехорошев. 1942 год

Как только блокада Ленинграда была снята, Всесоюзный геологический институт возобновил свою работу в полной мере.

...Шли годы, и во ВСЕГЕИ пришло новое, молодое поколение. Они проработали здесь много-много лет, им есть что вспомнить, но в День памяти они вспоминали войну. Тогда все они были детьми, но, став взрослыми, они сохранили те чувства и ощущения, которые испытывали в те годы своей ребячьей неподкупной душой.

Лидочке Штейн (сегодня Лидии Фрицевне Штейн) на 13-й день войны исполнилось только 10 лет. Их семья жила в частном доме на берегу Невы, напротив Шлиссельбурга. У отца была своя оранжерея. Когда началась война, решили ехать в Ленинград, но на пути туда кто-то отговорил их - «от города лучше держаться подальше». Семья остановилась на станции Каменка. Там тогда открыли лесопункт, на котором заготавливали дрова для Ленинграда. На работу устроились отец, старшая сестра (на трелевку) и старший брат на завод. Он был уже взрослый и хотел идти на фронт, но его

не пускали, по-видимому, из-за его отчества. Дело в том, что отец по национальности был латышом, но не исключено, что в его родословной были немецкие корни тоже. Отсюда и столь необычное имя. В 1942 году отец умер, и брат, которому в документах изменили отчество (Фрицевич на Фирсович), смог отправиться в действующую армию. Воевал Анатолий Фирсович Штейн на Белорусском фронте, ходил за «языком». Впоследствии он продолжил военную карьеру.

Семья их жила в землянке, а весной, когда территорию заливало, переходили в палатку. Золотая осень 1941-го запомнилась своей красотой, а также немецкими эскадрильями, летевшими бомбить Бадаевские склады, и скудной едой: в октябре давали 125 гр. хлеба, «сделанного из коры деревьев. Он был очень черный. А еще были шроты - отходы соевого производства. Они были похожи на хозяйственное мыло». Слушаешь Лидию Фрицевну и удивляешься не тому даже, что жили в землянке, в земляной норе по сути, а что жили практически на передовой: «На берегу Черной речки был сооружен настил, где сидел коррективщик. А еще стояли дальнобойные орудия. Немецкие войска с того берега обстреливали территорию, в том числе и наши скудные жилища. Там ведь было еще несколько землянок, в которых жили люди. Они там умирали от голода и лежали потом долго, так как хоронить было некому. Кроме того, вражеские самолеты часто пролетали на брюющем, разбрасывали листовки, в которых обещали всякие блага. Однако никто не принимал их всерьез».

Детская память и детское восприятие Лидии Фрицевны поражают своей «недетскостью»: «На нашем хуторе открыли столовую для рабочих леса и их семей. Я получила там кашу и кусочек хлеба. И вот иду я домой, несу в посуде какой-то, а хлеб лежит сверху. И вот незнакомый мужчина вдруг выхватывает этот кусочек и запикивает себе в рот. Я закричала, прибежали люди. Набросились на него. Кажется, его били - я старалась не смотреть, плакала - но увидела, что он двумя руками зажимал рот, чтобы не потерять ни крошки... Высокие мужчины не переносят голод». Пришлось маленькой девочке увидеть такое, что и врагу не пожелаешь.

В январе 1943 года началась подготовка к прорыву блокады. И хотя это была военная тайна, об этом знали все - даже дети: прибыло пополнение военных, у местных проверяли документы. Приходили с контролем и в эту семью:

«Военный оставил два сухарика и еще сказал плачущей маме:

«Не плачьте, мамочка, мы еще будем кофе пить в Берлине».

В день начала прорыва блокады ранним утром никто не спал. Когда начался штурм Шлиссельбурга, гражданские не прятались по своим

жилищам, а выбежали на лед и душой «воевали вместе с армией». Потом старшие сестры Лидочки пошли на железную дорогу на отправку раненых. И хотя морозы стояли 35 градусов, все только радовались, потому что теперь был проложен путь по Ладоге. Тогда появилась надежда.»

...Когда Лидия Фрицевна рассказывала все это с трибуны Ученого совета, ничто не выдавало ее волнения и внутренних переживаний, но когда она села на свое место, ей пришлось принять лекарство, ибо нелегко все это дается даже спустя столько лет.

В День Победы Лида вместе с другими людьми встречала воинов, которые только что вернулись с фронта и маршем шли по Международному (ныне - Московскому) проспекту. «Они шли по цветам, которые бросали им под ноги. То один встречающий, то другой вдруг узнавал среди них своих родственников, друзей, соседей...».

Уже спустя годы Лида и ее родные побывали на том месте, где стояла их землянка. Землянки не было. Они нашли лишь только куст роз, который рядом с землянкой посадил ее отец и который стал природным памятником всем тем, кто жил и выживал, кто воевал, кто буквально стоял у стен Ленинграда.

Конечно, старожилы ВСЕГЕИ знают и помнят Лидию Фрицевну, которая работала рядом с ними, в отделе Сибири. Она провела немало лет «в полях» на сибирских просторах. Да и там, в тех далеких от Санкт-Петербурга местах, хорошо помнят молодую женщину, которая в одиночку сплавлялась по бурной реке на байдарке. Не пугали Лиду и дикие звери, водившиеся там в прежние годы: барсы, тигры и кабаны. А еще запомнилась река Игарка, покрытая слоем опилок. Там, в одноименном поселке, работал лесопильный комбинат, его продукция очень ценится шведами и норвежцами. И что бы в жизни ни пришлось увидеть Лидии Фрицевне, она уже никогда ничего не боялась. Просто она отбоялась в детстве - только тогда она еще этого не знала: слишком молода была.

Зинаида Павловна Иванова отработала на Картографической фабрике 38 лет, из которых 20 - начальником 1-го цеха. В войну она тоже была ребенком и очень хорошо запомнила, как утром к ним в комнату (а жили они в коммунальной квартире) постучалась соседка и сказала, что началась война. Она посоветовала маме скорей бежать в магазин за продуктами - может, еще что-то осталось. Но было поздно: прилавки уже опустели. Мама смогла купить только несколько пакетов горчицы, которая впоследствии пригодилась - из нее на буржуйке пекли лепешки.

Поначалу война не казалась ленинградской детворе такой уж страшной:

ходили смотреть на сбитый немецкий самолет, во время налетов в бомбоубежище обменивались фантиками и стекляшками. Зина должна была идти в 1-й класс, школа эвакуировала детей, но мама не пустила. Потом узнали, что почти все из той школы погибли в пути.

«Помню, как ставили в комнатах печки-буржуйки и как резали хлеб на кусочки и сушили». А потом в их дом попала бомба и срезала угол. В комнате, которая разрушилась, жила старенькая бабушка, которая чудом осталась жива. Когда начался голод, младшая сестренка, которой было всего 2 года, стала совсем плоха, и мать пошла с девочками в детскую больницу. Когда пришли туда, увидели у стен здания выложенные штабелями мертвые тела маленьких детей. Они до сих пор стоят перед глазами - кто в распашонке, кто в пеленке... Тогда-то и пришел настоящий страх...

Отец до войны работал на Балтийском заводе и воевал потом на Балтике. Он часто приходил домой (шел пешком через весь город на Лесной проспект) и однажды принес немного риса, который спас ребенка. Семья прожила в Ленинграде до марта 1942 года и успела хлебнуть лиха. Но в памяти почему-то запечатлелись другие картинки: по соседству жила семья финнов. Однажды взрослых арестовали. Говорили, что во время налетов они сигналили немецким войскам, показывали, где бомбить. Их двоих детей забрали в детский дом, а после разрешили вернуться в город, дали жилье.

А еще хорошо запал в память блокадный быт: как ходили за водой на Неву, как при бомбежке завалило дымоход и тогда стали использовать буржуйку соседей. А вскоре всю семью эвакуировали с Балтийским заводом. «Дорогу жизни» Зина видела в маленькую дырочку в корпусе санитарной машины, на которой они ехали. Потом была теплушка, и мама чуть не отстала от поезда, добывая на станции Жихарево горячее питание. Потом в семье родилась еще одна девочка, и Зина стала настоящей нянькой для сестренок, пока мама работала в колхозе...

«Великое счастье, что мы дожили до этой даты», - говорит Зинаида Павловна.

Эльвира Иоганновна Супруненко сохранила в памяти о войне лишь некие фрагменты. Отец по национальному признаку был репрессирован, сослан в село, где он работал учителем. Туда к нему и приехала вся семья на время войны. «Помню белый снег и зеленый суп, который варила бабушка из какой-то травы. Помню, как вернулись в город - разруха. Да, я пишу стихи, но о блокаде мало - тяжело».

Автору этой статьи удалось отыскать стихи Э. И. Супруненко-Трабер, вошедшие в сборник «Белое пламя седин» (Санкт-Петербург, Политехника-сервис, 2014).

«Мы книгу переиздаём
О том, что в детстве
пережили,
Мы прошлой памятью живём,
Лихое время не забыли:
Блокаду, холод, голод, тьму,
Немилосердную бомбёжку,
И злую долгую зиму,
И ту ничтожную кормёжку,
Что как-то выжить помогла.
Нельзя забыть «Дорогу Жизни»,
Что через Ладогу прошла,
Умножила любовь к Отчизне,
Детей от смерти увела.
Свидетели блокады той,
Мы вспоминаем эпизоды,
Как город выстоял родной,
Крутые одолев невзгоды».

Мужчины в зале плакали.

Екатерина Зотова

